

Лев Николаевич Гумилев

Статуэтки воинов из Туюк-мазара

В Музее этнографии Академии Наук СССР хранятся три статуэтки, значащиеся под № 1903, 1, 2, 3 и изображающие воинов. Из них две конные и одна пешая. Аналогичные фигуры и другие предметы того же происхождения хранятся в Государственном Эрмитаже, куда они были переданы из Музея этнографии в 1932 г. Статуэтки являются частью коллекции турфанских вещей, купленных у кладоискателей на средства экспедиции С. Ф. Ольденбурга консулом Н. Н. Кротковым. Место находки – Туюк-Мазар. Общее количество вещей этой коллекции 353. Коллекция состоит из «терракотовых фигур и обломков деревянных и металлических предметов». В настоящее время большая часть ее хранится в Эрмитаже, но даже та часть коллекции, которая оказалась мне доступной, дала возможность высказать ряд соображений по истории Центральной Азии. Надо надеяться, что дальнейшее опубликование этой коллекции принесет еще более плодотворные результаты.

ОПИСАНИЕ СТАТУЭТОК

Статуэтки воинов, конные и пешие, сделаны из лёссовой глины и раскрашены. У одного из всадников (МАЭ) отсутствуют обе руки, у второго одна рука сломана, другая лежит на шее коня и, по-видимому, держит поводья. Всадники Эрмитажа той же сохранности. Пехотинец из коллекции МАЭ сохранился лучше эрмитажных и положен в основу описания. Размеры всадников МАЭ (оба одной величины): общая высота 35 см; высота чолки коня 24 см; высота крупа коня 19 см; высота сидящего всадника от носка до головы включительно 24 см; ширина плеч всадника 6 см; ширина крупа коня 8 см; высота пехотинца 27 см; ширина плеч 0,5 см; высота до плеча 20,5 см (см.: Tacitus. Historia, 179). Пехотинцы и всадники одеты одинаково, причем одежда, приспособленная для конной езды, указывает на то, что пехотинец является сошедшим с коня всадником, а не особым родом войск.

Статуэтка пешего воина из Туюк. Мазара (вид в фас и профиль)

Боевая одежда не имеет различия, что дает основание толковать ее как униформу. Она состоит из головного убора и панциря.

Головной убор напоминает современный казахский малахай. Это островерхая шапка, сзади ниспадающая на плечи и спину. Малахай покрыт металлическими пластинками, как показывает расцветка, - сочетание желтого, белого и синего цветов, создающее впечатление металлического набора (железо и медь). Малахай снабжен коричнево-красной оторочкой (мех).

Воины одеты в халат с высоким, доходящим до подбородка воротником. Цвет халата в пяти случаях светло-зеленый, в одном - белый и в двух - охряно-красный. По-видимому, халат был личной одеждой, а не частью униформы. Халат доходит до половины голени и застегивается на правую сторону, так что *левая пола оказывается сверху* (см. ниже). Поверх халата надет панцирь из металлических пластин, отороченный коричнево-красной каймой. Панцирь доходит до колен, подпоясан узким поясом, рукава короткие, выше локтей. Надевался он, очевидно, через голову. Этот панцирь сходен с сарматским катафрактom и характерен для тяжелой конницы. Аналогичные панцири применялись до недавнего времени в Тибете, причем пластины связывались между собой ремешками (см. описание коллекции Музея ИЭ. Вооружение тибетского воина), но надо полагать, что в более раннее время этот тип вооружения имел широкое распространение, пока не был вытеснен кольчужной рубашкой, как более совершенной, легкой и прочной.

На ногах шаровары, желтые с черными пятнами (вероятно, барсовая шкура), доходят до щиколотки и вправлены в сапоги. Сапоги черные, мягкие, вероятно, войлочные (так как они не облегают ногу, а имеют свою форму, как валенки), походят на те, которые до нашего времени носят в Тибете и Восточном Туркестане, что показывает принадлежность к восточноазиатской культуре.

Оружие сохранилось только у пешего воина. Это длинная, легкая пика (камышина), годная для кавалерийского боя.

Несмотря на близость этой одежды к тибетской, мы наблюдаем существенное различие: отсутствует напуск около пояса, характерный для Тибета и не применяющийся центральноазиатскими кочевниками.

Лошади сделаны внимательно и носят на себе ряд видовых черт, позволяющих уточнить их породу. Они крупны, с широким крупом, тонконогие, короткошеие, с тяжелой головой. Грива, расчесанная и подстриженная, подчеркивает тщательный уход.

Эти лошади не имеют ничего общего с монгольскими, но весьма похожи на изображения Саманидской эпохи; в особенности на статуэтку из Хо-Нани;. Масть их различна: одна гнедая, другая игреняя, третья серая в яблоках, четвертая светло-голубая. Если три первые реалистичны, то голубой цвет имеет, как я полагаю, символическое значение, которое я и постараюсь истолковать ниже, в другой связи.

Особое внимание обращает конская сбруя. Широкое седло, без подушки и с низкой передней лукой лежит на двух черных потниках, причем нижний снабжен белой каймой. Седло светло-желтое, вероятно, деревянное, снабжено круглыми стремянами, подхвостником, нагрудником и пятью тороками; в отличие от современных седел, от нагрудника идет дополнительная шлея, через спину лошади, впереди седла. Вероятно, назначение ее – облегчить спуск при горной езде, к которой приспособлено седло. Сбруя украшена белыми круглыми бляхами, может быть, серебряными, и сердцевидными оранжевыми или бурыми кистями, висящими на нагруднике, подхвостнике и узде.

Лошади не взнузданы, что указывает на их хорошую выучку; грива подстрижена. Все это создает впечатление хорошо натренированного и подготовленного кавалерийского коня, которого любят и на которого надеются в трудные минуты.

Всадники сидят в седле, свесившись набок (казацья посадка); что обличает людей, проводящих в седле большую часть жизни. Стремена, в отличие от современной езды кочевников, опущены низко. Отсутствие аналогий заставляет предполагать, что посадка продиктована практическими соображениями: высоко подтянутые стремяна удобны для стрельбы из лука и закидывания аркана, так как всадник, держась коленями, не зависит от тряски, тогда как при длинном стремя всадник, держась на шенкелях, приобретает устойчивость, необходимую для рубки и колки длинной пикой (ср. казацью езду).

Необычно большое количество тороков заставляет предполагать, что для наших всадников длинные переходы и добыча были явлением предусмотренным, т. е. это было не гарнизонное, а полевое войско.

Всадник из Туюк Мазара

В заключение необходимо остановиться на физическом типе. Лица воинов отображают не индивидуальные, а типологические черты. У них выражены брахицефалия и *placa mongolica*, брови приподняты, глаза раскосые, прямой и низкий нос. Скулы не очень широки, но выпуклы, лица широкие. Редкие усы, висящие вниз или подкрученные, и скудная растительность на подбородке дополняют характеристику. На одной статуэтке показаны волосы, зачесанные назад. Это, несомненно, монголоидный тип народности не монгольской, но близко стоящей к монголам.

Кроме воинов, в коллекции имеются статуэтки и бюсты мирных людей, причем они не менее интересны для исследования. Три из них изображают, по нашему мнению, турфанцев – представителей местного населения. Они того же размера, в той же позе, что пешие воины. Одеты в светло-зеленые халаты, подпоясанные узким черным поясом, и в мягкие сапоги. Голова немного нагнута, и руки сложены на груди, как у пеших воинов, но на этом сходство оканчивается.

Физический тип одного из них не имеет в себе ни одной монголоидной черты: густые брови, подчеркнута большие глаза, борода не только на подбородке, но и на скулах, густые усы, тонкий высокий нос, маленький рот с полными красными губами – все облачает иной, хорошо нам

известный антропологический тип, ныне обитающий в Туркестане как западном, так и восточном. Другая статуэтка в светло-зеленом халате имеет больше монголоидных черт, но не столь много, как воины. Третья, в темно-синем халате, относится к среднему типу. Очевидно, гражданское население Турфана было этнически смешанным.

Замысел художника – подчеркнуть антропологические черты – совершенно несомненен.

Вторым существенным отличием гражданского населения от воинов является прическа: волосы зачесаны назад и заложены на темя пышным воланом. Это сооружение прикрыто черным колпачком с круглым верхом, со складками и завязками. Точно такую же прическу имеет китаец, бюст которого входит в нашу коллекцию. Бюст этот сделан из той же лёссовой глины и посажен на деревянную подставку. Здесь расовые черты подчеркнуты как нельзя более: узкие глаза, *plsa mongolica*, широкие, редкие брови, короткий плоский нос и сильная скуластость. Однако, в отличие от прочих статуэток, этому лицу приданы индивидуальные черты – морщины на лбу, у углов губ и глаз. Это лицо пожилого, некрасивого, но умного и живого человека.

Вторая головка, в основном совпадая с первой, имеет индивидуальные отличия: глаза сужены, морщины углублены, выражение более меланхолично. Очевидно, китайские лица были художнику ближе и понятнее, и потому он невольно придавал им выражение, тогда как иноземцы сделаны шаблонно, на одно лицо.

Перехожу к рассмотрению трех фрагментов женских фигур. Бюст китаянки окрашен не матовой, а гляцевитой краской. Это – китайская красавица, «Бут чини» персидских сказок, с широким лицом, чуть раскосыми глазами и румянцем во всю щеку. На прическе, подобной мужской, укреплен гребень, или шапочка имеет вид гребня, от затылка справа вверх налево к темени. На черном колпачке золотые украшения. На лбу красный знак (татуировка).

Второй бюст существенных отличий не имеет.

Третий фрагмент женской фигурки совершенно иной. Сохранилась верхняя часть статуэтки, до пояса. Грудь плоская, лицо длинное и широкое, похожее больше на современные казахские и узбекские, чем на китайские. Головной убор представляет колпак, вершина которого лежит надо лбом, а задняя часть спадает на спину. На висках отвороты. Колпак синего, а отвороты красного цвета. Я полагаю, что отличия в типе и головном уборе дают основание отнести это изображение женщины не к китайскому, а к кочевому миру.

Сравнивая наши статуэтки, мы видим, что художник подчеркнул психофизические черты, придав воинам общее выражение решительной жестокости, турфанскому крестьянину – тупой покорности, китаю – хитрости и ума, а китайская красавица оказалась утонченной орхидеей из гаремной оранжереи. Эти наблюдения помогут нам также при интерпретации памятника, поэтому я и уделяю им внимание.

В заключение нужно сказать, что эти статуэтки ни в коем случае нельзя считать предметами, рассчитанными на эстетическое воздействие на зрителя. Делались они, видимо, трафаретно и довольно небрежно, что видно из того, что при раскраске панцирей синяя краска, сливаясь с желтой, дала грязно-зеленые пятна.

МЕСТО НАХОДКИ СТАТУЭТОК

Название места, откуда они получены, также привлекло мое внимание. Мазар – общеизвестное название могилы, погребения. Этимология слова Тујук – 1) запертый, огражденный, 2) целый, полный, 3) запруда, закрытое место – не дает путей для решения вопроса. Но в географической литературе по Турфану мне удалось найти описание этого места: Тујук – ущелье, по которому протекает небольшая чистая речка. Небольшой оазис с садами и виноградниками. По обеим сторонам ущелья, на расстоянии мили от его начала, расположено большое количество храмов и склепов, сильно пострадавших от кладоискателей. Могилы эти были издавна местом паломничества. Подробнее см.: Тујук-Мазар – самое крупное погребальное сооружение среди развалин западной части горловины ущелья. Центральная часть его состоит из камеры и двух рядов сводчатых комнат по бокам. Комнаты эти примыкают к скале, в которой вырезаны кладовки;. Это – несомненные склепы, и отсюда вытекает назначение наших статуэток. Мы знаем, что по древнему китайскому погребальному обряду в могилы знатных людей вкладывались изображения рабов, стражи, наложниц, домашних животных, макеты пищи и т. п. Эти изображения (ныне делаемые из бумаги) заменили первоначальные кровавые жертвы людей и животных. И тут мы имеем дело с обычным китайским погребением или погребением по китайскому образцу. То, что наши статуэтки действительно оттуда, подтверждается совершенно аналогичной статуэткой Стейна, к сожалению, так же как и наши, купленной у кладоискателей. Очевидно, это интереснейшее погребение было совершенно разграблено и уничтожено.

Однако я не отказываюсь от надежды интерпретировать и датировать памятник. Это можно сделать двумя путями: 1) привлекая материал по истории Центральной Азии и Китая и 2) исследуя литературу по древностям Турфана в поисках аналогичных погребений. Оба пути приводят нас к цели, но первый путь исследования дает нам при достаточном истолковании памятника лишь примерную датировку, которую второй уточняет, подтверждает и дополняет. История и археология вместе дают полноценные выводы.

КОГО ИЗОБРАЖАЮТ СТАТУЭТКИ

В логике равно допустимыми считаются два типа доказательства: 1) прямое и 2) косвенное, от противоположного. Мы ничего не знаем об оригиналах наших статуэток, поэтому прямое доказательство здесь не применимо. Об истории Центральной Азии мы имеем некоторые сведения и, идя от нее, можем косвенным путем добраться до интересующего нас результата. Начнем с отрицательных суждений.

Наличие стремьян показывает, что нижней пограничной датой является VI в., так как раньше металлические стремьяны известны не были.

Следовательно, наши воины не гунны, не усунь и не юечжи. Мало данных считать их жуань-жуанями. Равным образом: облик монгольского воина нам хорошо известен (см.: *Ars Asiatica*, 1, с. 38);. Посадка, одежда, порода лошади настолько отличны от наших всадников, что мы без труда можем принять XII в. за верхнюю пограничную дату и, исходя из этого, заключаем: они могут быть либо китайцы, либо тибетцы, либо уйгуры, либо турки.

Но они не китайцы, так как носят левую полу наверху (левополые – кочевники, в частности турки). Тип лица также не китайский, не монгольский и не тибетский, мягченность монгольских черт свойственна «западносибирской расе» (по Ярхо), т. е. туркам.

Они не тибетцы, так как отсутствует характерный тибетский напуск одежды у пояса.

Они не могут быть согдийцами, персами или арабами, так как монголоидность, подчеркнутая мастером, очевидно, не случайна. Не случайна и восточно-азиатская обувь.

Они не местное население Турфанского оазиса, так как:

а) посадка обличает кочевников, а не севших на коней земледельцев;

б) одежда предназначена для конного строя, ибо она длинная и широкая, равно длинная и тонкая пика негодна для борющегося с конницей пехотинца;

в) Турфан никогда не был агрессивным государством, предпринимавшим далекие завоевательные походы, а большое количество тороков (пять) заставляет думать именно о длинных походах, связанных с добычей.

Итак, остаются только кочевники.

В этот период в Турфане господствовали турки и уйгуры. Чтобы выбрать между ними, мы должны сделать еще несколько замечаний:

а) униформа показывает, что это регулярное войско;

б) длинные стремьяны, удобные для рукопашного боя, свидетельствуют, что это тяжелая кавалерия;

в) отсутствие удила показывает, что не только люди, но и кони прошли специальную выучку;

г) обилие украшений говорит о состоятельности владельцев. Эти воины – горцы, что показывает форма седла и сбруи (нагрудники, подхвостники и дополнительная шлея). Следовательно, это была регулярная тяжелая конница, укомплектованная горцами. Такими не могли быть степняки-уйгуры, о коих мы читаем: «В сражениях не строятся в ряды; отделившейся толпой (головным отрядом) производят натиск. Вдруг выступают, вдруг отступают, постоянно сражаться не могут».

Не менее показателен разговор между тибетским полководцем Шан-Шацзяном и китайским послом Ли Юань-Дином, происходивший в 90-х годах IX в. «Уйгурия, – сказал Шан-Шацзян, – в сущности небольшое государство. Некогда я вел с ней войну и уже подходил к ее столице, когда неожиданная смерть государя потребовала моего возвращения на родину. В военном отношении эта держава не может считаться нашим соперником. Чем же объяснить то уважение, которое питает к ней императорское правительство?»

«Мы уважаем это государство за то, – отвечал китайский посол, – что оно свято блюдет договоры и не покушается на чужие земли»;

И в самом деле, вольнолюбивые уйгуры, отчаянно отстаивавшие свою самостоятельность от жуань-жуаней и турок, оказались неспособными создать хоть сколько-нибудь прочное государство, а раз нет государства, то не может быть и регулярной армии.

Все вышесказанное убеждает нас, что оригиналы наших статуэток уйгурами не были.

Мы полагаем, что они были турками, и в данном случае мы имеем возможность применить прямое

доказательство. Первым доводом, говорящим в пользу этого предположения, является голубой цвет одной из лошадей, необъяснимый с позиций реалистического искусства, но вполне понятный, как символический. Голубой цвет был национальным и любимым цветом тюрков, и в орхонских надписях даже ко всему народу тюрков применяется эпитет «кок» – голубой. Дальнейшая аргументация потребует привлечения материала из политической истории тюрков.

История тюрков начинается с 430-х годов VI в., когда в Китае впервые появилось посольство этого народа. Что-то заставило китайское правительство отнестись со вниманием к небольшому племени, затерянному в горах Алтая и подчиненному жуань-жуаньскому кагану. И действительно, история улыбнулась тюркам. В 546 г. Тумын покоряет уйгуров, действуя как вассал жуань-жуаньского кагана Анахуаня. Вслед за этим он поднимает восстание и наголову разбивает жуань-жуаней в 552 г. Анахуань кончает самоубийством, а остатки его орды, бежавшие в Китай, истреблены там в 556 г. В том же году удачным набегом разорено королевство Тогон, а к 560 г. покорены кидани и киргизы. Тюркские владения доходят до Желтого моря на востоке и Верхнего Енисея на западе. На юге, действуя в союзе с персами, тюрки сокрушают державу эфталитов в 563-567 гг. и доходят до Амударьи, а в 576 г. мы находим их осаждающими Боспор. Двумя набегам они принуждают империю Ци к уплате тяжелой и унижительной дани. В 582 г. Шэту-Шаболо-хан мог мобилизовать 400 000 стрелков. За какие-то 30 лет (одно поколение) небольшое алтайское племя стало гегемоном Азии. В дальнейшем Суйская династия, располагая средствами объединенного Китая и первоклассным лазутчиком в лице Чжан-Сун Шена, пользуясь распрями в среде тюрков и союзом с восставшими против тюрков племенами, не только не смогла подчинить Тюркский каганат, но сама пала под ударами основателей династии Тан: Ли-Юаня и Ли-Шимина, опиравшихся на союз с тюрками, в 618 г.

Что могло привести к таким успехам или, вернее, откуда взялись у тюрков силы для таких завоеваний? Это одна из загадок средневековой истории Центральной Азии. Не менее загадочен и другой факт: в 630 г. Восточно-Тюркская держава пала. Это тем более странно, что война 620-626 гг. была выиграна тюрками; дальше идут почти непрерывные успехи не Китая, а Танского правительства. В 641 г. разгромлено племя Се-Янто, сильнейшее из уйгурских племен. В 640 г. покорен Гаочан, а в 648 г. взята Куча. В результате войны 653-657 гг. Западно-Тюркская держава покоряется Танскому правительству и, вплоть до 70-х годов VII в. Китай является гегемоном Азии. Вдруг его сила куда-то исчезает, и тибетцы, тюрки, уйгуры и арабы лишают Танское правительство всякого влияния к северу от Великой Стены за целое столетие до того, как внутренние неурядицы повлекли разложение и крушение династии Тан.

Это – третья загадка, и мне кажется, что разобраться во всех этих загадках частично могут помочь наши всадники.

Возвращаясь к вопросу о принадлежности оригиналов наших статуэток, я укажу, что только одно войско в VI-VIII вв. соответствовало всем, отмеченным нами, положительным признакам, т. е. было тюркским по происхождению, горным, восточноазиатским по культуре, регулярным и совершавшим далекие походы.

Это – «фули» – «волки» китайских источников, непобедимая гвардия тюркских ханов. На вооружении их состояли: «роговые луки со свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. Знамена с золотой волчьей головой».

Термин «латы» – cuirasse (Жюльен) возбуждает сомнения, но китайское слово – «цзя означает вообще панцирь, а не только латы, причем в Цы-Юань (т. II, с 58) указывается, что в это понятие входят различные роды панцирного вооружения; характерно, что в этом описании упомянут панцирь, тогда как в описании уйгурского вооружения панцирь отсутствует – Из этого следует, что тюркское войско отличалось от прочих кочевых не только наличием организованного ядра, но и техническим нововведением – тяжелой панцирной кавалерией. Чтобы разобраться в этом явлении, мы должны обратиться к тюркской доистории, т. е. к V в. В 439 г. один из пограничных кочевых князей Ашина бежал к жуань-жуаням и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал для них железо. С добыванием железа связаны и легенды о происхождении тюрков. Железо в Центральную Азию до этого времени ввозилось из Китая и, может быть, Ирана и поэтому не имело широкого распространения. Китайский хронист не случайно подчеркнул металлургические способности тюрков. На наших статуэтках мы также наблюдаем металлический набор, в котором железо играет главную роль. Теперь становится понятно, какую грозную силу представляло технически оснащенное ядро тюркских войск. Сотни тысяч стрелков из лука не могли сделать того, что сделали несколько тысяч панцирных копьеносцев. Конечно, ни держава жуань-жуаней, представлявшая собой просто разросшуюся разбойничью банду, ни разрозненные и технически отсталые орды огоров, тюргешей, киргизов, киданей, ни миролюбивые китайские крестьяне, руководимые конфуцианскими философами, ни разложившиеся позднеасанидские войска не могли равняться с этой грозной, упорядоченной и рвавшейся к добыче армией. Это объясняет многое. Как только Тайцзун Ли-Шимин, будучи сам инородцем, сумел привлечь на свою сторону хотя бы часть этих солдат и противопоставить их другой части, преимущество перестало действовать, и Восточно-Тюркская держава пала (630 г.).

Насколько важно было для Тайцзуна удержать в своих рядах тюрков, видно из его политики по отношению к остаткам орды и кагану Ашине Сымо, которому, случайно раненному стрелой на охоте, сам император стал отсасывать кровь. Пока Танское правительство располагало тюркскими контингентами, оно побеждало повсюду, но как только недальновидная политика преемников Тайцзуна вызвала в 681 г. всеобщее восстание тюрков, то Танское правительство не нашло сил ни для подавления восстания, ни для продолжения агрессивной политики, ни для защиты собственных границ от возрастающего могущества тибетцев. Конечно, предприятие Кутлуга и Тоньюкука было обречено на гибель. За полтора года ситуация успела измениться. Появились арабы, активизировались тибетцы, сложился союз киданьских племен, и заклятые враги тюрков – уйгуры имели достаточно железного оружия, чтобы охранять свою независимость. Удивительно другое: что тюрки сумели продержаться 60 лет, прежде чем были разбиты и физически истреблены теми племенами, для которых они в продолжение двухсот лет были источником страха, оскорблений и обид. В огненных строках орхонских надписей отражена безнадежная, последняя борьба тюрков против всех, а об их страшном конце мы читаем в сухом изложении Тан-Шу. Тюркская орда жила и погибла, как волк, голову которого она несла на своих знаменах, не давая и не прося пощады.

Решив вопрос об этнической принадлежности наших статуэток, мы должны уточнить его как в смысле датировки, так и в смысле назначения в роли оригиналов и самих статуэток в условиях Турфана. В этом нам поможет его история в периоды Гаочанский и Китайский.

Турфанский оазис издавна был одним из крупнейших культурных центров Восточного Туркестана. Китайцы вели из-за него ожесточенную войну с гуянями и, одержав победу, основали там военную колонию Гаочан-лей. В период смуты, после падения дома Хань, Китай потерял Восточный Туркестан, но большое количество китайцев осело на богатых почвах Турфана. Полной самостоятельностью Гаочан не пользовался, последовательно подчиняясь жуань-жуаням, гаогуйцам, и, наконец, в 590 г. был завоеван тюрками. Однако это завоевание не означало прекращения местной династии. Тюрки лишь заставили гаочанцев принять в знак покорности тюркские обычаи и одежду. Все это время в Гаочане боролись китаефильская и сепаратистская партии, причем последняя опиралась на кочевников. К концу VI в. значение Гаочана выросло настолько, что его владетель Бо-я был сыном дочери тюркского хана, т. е. был родственником знатнейшей азиатской династии. Бо-я, пользуясь ослаблением тюрков при ничтожном Цимин-хане, ориентировался на Китай, сам ездил в 609 г. к Ян-ди и получил от него в жены княжну из императорского дома. В 612 г. Бо-я произвел реформу, настолько важную для нас, что я полностью привожу текст его постановления: «Мы, до сего времени обитая в пустынных пределах, распускали волосы и носили левую полу наверху. Ныне дом Суй единодержавствует и вселенная соединена в одно царство. Я уже принял обычаи просвещенного народа: Подданным моим также надлежит расплести косы и уничтожить левую полу».

Этот указ показывает, что турфанцы носили косы, что подтверждается прямыми указаниями источников, использованных Иакинфом и Аурелем Стейном, китайцы же складывали волосы на макушке, а тюрки волосы распускали. Сам Бо-я, по-видимому, следовал моде своих сюзеренов-тюрков. Интерес этого указа для нас в том, что турфанцы в нашей коллекции изображены с китайской прической и левой поллой наверху. Это было бы непонятно, если бы у того же Иакинфа мы не прочли, что, несмотря на указ, одежда изменена не была. Очевидно, дело ограничилось прической. Этот факт дает нам твердую нижнюю дату наших статуэток. Сочетания китайской прически и варварской одежды в Турфане до 612 г. быть не могло, тем более для местного или смешанного населения. Но, принимая эту дату за несомненную, я считаю возможным дать вероятное уточнение и потому продолжаю следить за ходом истории Турфана. При Вын-Тхае – преемнике и сыне Бо-я – сторонники низвергнутой династии Суй обосновались в Гаочане. Это, а также проект Тайцзуна изменить караванный путь в обход Гаочана и отложение в пользу Китая княжества Иву (Хами) заставили Гаочан переориентироваться на западных тюрков и втянуться в войну с Китаем. Она кончилась трагически. Несмотря на поддержку западных тюрков, Гаочан был взят и обращен в округ Си-Чжеу, просуществовавший до 782 или даже 789 г., когда весь Восточный Туркестан был занят уйгурами. 789 год можно считать аподиктической верхней датой, так как с этого времени там развиваются иные культуры – несторианское христианство, манихейство, тибетский буддизм и т. п. Для китайской культуры, а следовательно, и погребений китайского типа места не остается. Но, присмотревшись внимательнее, мы можем еще сузить период, в который были сделаны и похоронены наши статуэтки. Мы знаем, что китайцы клали в могилы фигуры рабов, слуг, наложниц и т. п. Но почему было нужно класть господ? Тюрки же до 640 г. были господами в Турфане. Вместе с тем фигуры воинов стоят в чрезвычайно почтительных позах, склонив головы, точь-в-точь как местные жители – несомненные слуги. Это гораздо более соответствует ситуации после 640 г, когда китайцы были в самом деле господами, а тюрки слугами.

Второе соображение заключается в том, что волчья голова, национальный мотив тюрков, отсутствует, а это опять-таки соответствует положению, что эти тюрки изображают вспомогательный контингент армии, а не ханских гвардейцев. На этих основаниях я считаю 640 год вероятной нижней датой.

Вероятной верхней датой я считал бы 681 год, когда все тюрки были охвачены удачно

развивавшимся восстанием Кутлут-хана. Тогда, по словам орхонской надписи: тюркский народ стал врагом китайскому хану, говоря: «Зачем нам отдавать ему душу и силу?» Вряд ли после 681 г. у Танской империи могли сохраниться тюркские вспомогательные войска, за исключением западных тюрок, которые сохраняли верность Китаю до самой Таласской битвы 751 г., – вероятная верхняя дата для западных тюрок. Однако, учитывая, что западные и восточные тюрки были носителями одной культурной традиции и одного физического типа, мы не можем решить вопрос о том, кем были наши воины, без привлечения иного материала, а именно – аналогичных находок, которые могут дать нам возможность проблематического уточнения. Таким материалом послужит для нас отчет Стейна о раскопках кладбища в дер. Астана.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аурель Стейн, описывая турфанские древности, сообщает, что развалины, называемые Идыкут-Шари, включают в себя: кладбище около Кара-Кучи, кладбище в дер. Астана, склепы Туюка и разрушенные храмы Сангин-Агиз, Чикан-Куль, Базеклик и Муртук. Древнее кладбище Астаны расположено к северу от канала, несущего воды реки Кара-Кол к полям и садам жителей Астаны. Подробное описание кладбища и раскопок Стейна я опускаю. Для нас представляет интерес лишь то, что в погребениях Астаны Стейн обнаружил статуэтки точно такие же, как в Туюк-Мазаре. Они находятся в могилах китайского типа, мало или вовсе не потревоженных. Богатый соответствующий инвентарь содержит: шелковые одежды с набивными рисунками, деревянные тележки, деревянные фигуры мужчин с подвижными руками, глиняные изображения животных и чудовищ – охранителей могилы, макеты пищи и т. п..

На основании сходства музыкального инструмента на стенной росписи с имеющимися в коллекции императрицы Кокен, пьедесталов, подставок и, наконец, одежды и причесок Стейн датирует погребение ранним танским временем. В одной из могил обнаружены монеты танского времени (Ast. III, 2). В этом же погребении в восточной нише были найдены лежащими две фигурки оседланных лошадей и верблюда (табл. ХCV, ХCVIII). Высота лошадей 2 фута. Тип лошади сходен с танскими скульптурами. Маленькие красивые головы напоминают Бадахшанскую породу, высоко ценимую по обе стороны Памира. В этой же могиле найдены такие же лошади, но не так хорошо выполненные. Очень хорошо изображены седла и потники, орнамент которых напоминает вышивки, до сих пор существующие в Туркестане. Сложные рисунки цветов на седле (табл. ХCV) близки к рисункам цветов, встречаемых как декоративные мотивы в обрамлении некоторых картин на шелке и стенной живописи Цян-фо-дуна.

В противоположной нише лежит в беспорядке много глиняных фигурок всадников (ХСIX). Сбруя: узкие, остролюкие седла, с потниками из барсовых шкур, с белыми бляхами, с тороками, свешивающимися позади седла, как мы видим в скульптуре и живописи танского времени. Попоны с широкими кистями сходны с попонами на сасанидских рельефах. Все всадники – мужчины, одеты в пластинчатые панцири, с остроконечными пластинчатыми шлемами. Лица монголоидны. Кроме них, обнаружена фигурка женщины верхом, с китайской прической (табл. ХСIX) и фигуры пехотинцев (табл. СII). Это все свита в загробной жизни. Там же фигуры чудовищ, хранителей могилы (табл. ХCVI), макеты пищи и зерна и, самое главное, два обрывка бумаги с китайскими надписями.

Фигурка воина из Астаны. (раскопки А. Стейна)

Из цитированного описания мы видим, что фигуры воинов Туюка и Астаны идентичны, поэтому датировки Астанского погребения позволяют нам проверить наши соображения относительно погребения в Туюк-Мазаре. Колебания возможны лишь в годах, максимум двух-трех десятилетиях, что для нас не имеет значения. Астанское погребение удалось датировать с полной несомненностью благодаря тому, что в VII-VIII вв. старые бумаги, так же как и в наше время, шли на обертку, упаковку, подкладку и т. п. Для Астанских погребений также употреблялась исписанная бумага, которую Аурель Стейн старательно собрал, а Масперо перевел и датировал. Из восьми кусков пять датируются 705 годом, а остальные – 690, 693 и 709 годами! На основании этого Аурель Стейн датирует погребение первой четвертью VIII в., что совпадает с данными живописи. Содержание текстов разнообразно: Имеются тексты Дао, частное письмо, счет на зерно официальные правила о содержании лошадей и других животных для почтовой службы при администрации округа Си-Чжеу. Есть части двух регистров с точными данными о применении транспорта в шестом месяце десятого года К'аи-уан – 772 г. с точным описанием каждого животного: возраст, пол, особые приметы, состояние до и после работы, список лиц, коим животные поручены, и т. д. Тут же сноска к абзацу об отставке губернатора Ань-Си генерала Тан-Цзя-Хуя,

упоминаемого в ханских анналах и т.п.

Кроме бумаг, Стейн обнаружил несколько текстов на кирпичках, в могилах и около них. Они датируются годами: 652, 667, 689, и, наконец; интересный некролог Хиа, вдовы некоего Фан-юна, имевшего чин гвардия генерала при Гаочанском правительстве. Она была дочерью гаочанского чунлана. Умерла в 667 г..

Итак, сравнительный археологический материал подтвердил датировки, предложенные нами, на основании исторической необходимости (аподиктические) и вероятности (ассерторические). Собственно нового мы получили немного; пожалуй, только то, что фигурки воинов Астаны изображают западных, а не восточных тюрок, а фигурки Туяк-Мазара могут относиться как к тем, так и к другим.

Важно другое. Ход мысли привел нас к результатам, подтвердившимся вновь обнаруженными фактами, но сами эти факты оказались обнаруженными лишь потому, что ход мысли заставил начать их поиски.

Значение этой работы я вижу не только в датировке и интерпретации памятника, а и в способе, которым это было достигнуто.

Я считаю излишним продолжать дальше анализ в плане отыскания как новых сближений нашего памятника с предметами Танского Китая, так и новых различий с сасанидским Ираном и Согдом. Для этих обеих культур Турфан был окраиной, глухой провинцией, и обе они гораздо лучше представлены в собственных пределах. К тому же смысл памятника вам уже достаточно ясен. Теперь мы можем, опираясь на него, истолковать доселе темные памятники евразийской культуры, для которой Турфан был окном в цивилизованный мир. Наличие аналогий в среде евразийских народов окончательно удостоверило бы нас, что оригиналы наших статуэток не принадлежат к китайской культуре. Такие аналогии мы находим в наскальных изображениях Верхнего Енисея. В публикации Аспелина (см. рис.) мы видим изображение охотящегося всадника, удивительно похожего на турфанские статуэтки.

Тюркский всадник на охоте (наскальное изображение из Сулеки)

Первым делом обращает на себя внимание подчеркнута большая лошадь с широким крупом, тонкими ногами и маленькой, изящной головой. Порода лошади походит не на сибирскую, а, скорее всего, на описанную выше. Седло того же типа. Сбруя имеет подхвостник, нагрудник и дополнительную шлею, отмеченную и описанную нами. Отчетливо показаны стремена. Всадник дан схематически, но видно, что на нем сапоги до колен и широкая одежда, перехваченная поясом, к которому прицеплен колчан. На голове высокая шапка. Всадник вооружен луком. Острия стрел (одна на тетиве, другая в полете) могут быть только металлическими, так как каменным или костяным трудно придать столь правильную форму ромба при относительно большой величине. Лук, судя по форме, роговой, клееный и имеет характерные для рогового лука выгибы.

Это, как к ряд указанных сходств убеждает нас, что турфанское и енисейское изображение имели один и тот же оригинал, тем более что принципиальной разницы между ними, невидимому, нет.

Там же, в Сулеке, были обнаружены фигуры другого типа: пешие, в облегающей тело одежде, без шапки, с распущенными волосами, ниспадающими на плечи; они стреляют из лука с колена (см. рис.). Это, несомненно, представители другого народа, что подтверждается одним из сулекских изображений, где оба типа изображены вместе. «Тяжело вооруженный всадник одет в пластинчатую броню от шеи до ляжки, с рукавами до середины предплечья, с круглым щитком на груди, с мечом и колчаном у пояса и с «массой» оружия в правой руке. Этот воин направляет копьё, украшенное небольшим флажком, на лучника, стреляющего с колена». Воспроизведена по:.

Несмотря на то что Аспелин отмечает древнюю манеру передачи гривы, он предполагает во всаднике китайца, забывая, что китайцы до Саянского хребта вообще никогда не доходили, исключая маньчжурское время (XVIII в.). Нам же чрезвычайно легко истолковать данное изображение, так как аналогия с турфанскими всадниками заставляет нас признать в кавалеристе орхонского тюрка, сражающегося с саянским горцем. Такая ситуация исторически вполне возможна, так как Саянский хребет был той стеной, которую не могли перепрыгнуть белые кони тюркских ханов, несмотря на попытки с VI по VIII в.

Бой тюркского кавалериста с горцем-стрелком (наскальное изображение)

Саянские лесовики отстаивали свою независимость от степи вплоть до 1208 г., и Сулекское наскальное изображение есть памятник этой борьбы. Что это действительно так, нас убеждает материал раскопок Саяно-Алтайской экспедиции в селении Копены в 1939 г. Находки прекрасно датируются золотой и серебряной посудой, с вырезанными на ней орхонскими надписями. Для нас чрезвычайный интерес представляют бронзовые рельефы всадников на охоте. Разница между облавной охотой и войной в те времена была минимальная, и поэтому по изображениям охотников приняв известную поправку, вправе судить о воинах: «На изображениях всадника чеканом, нанесены даже мелкие детали снаряжения костюма. Всадник без головного убора. Его длинные волосы развеваются по ветру. Их сдерживает затянутая сзади узлом повязка. Полудлинный кафтан перетянут поясом. Сапоги мягкие, без каблуков. С правого бока висит колчан, расширяющийся книзу. Лук сложный, в виде буквы М. Конь степной, широкогрудый, с подстриженной гривой и завязанным в узел хвостом. На нем полная седельная сбруя; седло твердое с невысокой передней лукой; под седлом обшитый бахромой чепрак. На подхвостном и нагрудном ремнях навешены кисти; стремяна широкие, дугообразные; уздечка плетеная, с поводом и чумбуром. Ясно видны не только круглые бляхи, но даже осовидные псалии от удил. Сзади седла развеваются по обеим сторонам ремни (торока. - Л. Г.). Впервые перед нами предстает целиком в костюме, с оружием» и на полностью снаряженном коне наездник степей VII-VIII вв.».

Легковооруженный всадник-стрелок (раскопки С.В.Киселева)

Авторы статьи совершенно правы в датировке и интерпретации памятника, но как разительно сходство снаряжения турфанских и копенских всадников. Совпадает буквально все, за исключением:

- а) порода копенской лошади другая, южносибирская;
- б) всадник без шлема и панциря;
- в) отсутствует дополнительная шлея на шее коня.

Но это не должно вводить нас в заблуждение. Мы знаем, что «фули» составляли лишь отборное войско, ханскую гвардию, а большая часть 400-тысячной тюркской армии состояла из вспомогательных контингентов подчиненных племен. Эти воины назывались «стрелки» (archers) и, следовательно, имели легкое вооружение. Отсюда вытекает и отсутствие дополнительной шлеи, так как всадник без панциря не столь тяжел, чтобы нуждаться при спуске с горы в чем-либо, кроме подхвостника. Равно и лошадь употребляется местная: выносливая и неприхотливая, а не дорого стоящая бадахшанская.

Итак, в турфанском изображении мы видим древнетюркского панцирного гвардейца, а в копенском – древнетюркского стрелка, и наше представление о том, как выглядела армия орхонских ханов, можно считать полным.

Сведения о великой державе древних тюрков мы черпали до недавнего времени в китайских летописных сводах, составленных весьма добросовестно и обстоятельно. Но как бы ни были исчерпывающи свидетельства культурных соседей, какие бы подробности они ни сообщала нам, они не восполняют отсутствие непосредственного восприятия эпохи и народа.

Мы не знаем, какой поправочный коэффициент мы должны принять на неизбежную тенденциозность иностранного источника. Дыхание, которое чувствуется в этих строках, не тюркское, а китайское.

Мы же хотим не только знать, но и слышать и видеть.

Впервые мы услышали тюрков, когда были прочтены орхонские надписи. Теперь мы увидели говорившего. На нас смотрит хищное и плутоватое лицо одного из тех отчаянных парней, среди которых Бильге-хан «силою завел порядок», которые подводили Кюль-Тегину его белого коня Алп-Шалчи, с Мудрым Тоньюкуком перебирались через снег глубиной в копьё» а, взвизгивая от восторга, рубили от плеча до пояса бегущих китайцев злосчастливого Унг-Тутука.

Как ни полезны для нас датировки и интерпретации темных исторических фактов, но самым ценным из того, что дал нам этот памятник», я считаю непосредственное ощущение той грандиозной и мятежной эпохи.

Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность моим учителям Н. В. Кюнеру и М. И. Артамонову за их советы и руководство, а также сотруднику Эрмитажа Н. В. Дьяконовой, ознакомившей меня с той частью коллекции, которая хранится в Эрмитаже.

Удивляет непропорциональность: спина лошади на уровне плеча человека. Либо лошади огромны, либо люди карлики. Та же пропорция повторена в наскальных изображениях Сулека (Верхний Енисей) (см.: Aspelin. Types peuples de l'andenne Asie Central. Helsingfors, 1911, с. 11).

Эта мысль находит себе подтверждение в китайских текстах, которые Н. В. Кюннер перевел и любезно предоставил мне. В сочетании с описанием небоеспособности китайской армии в уже приведенной статье В. М. Алексеева, они иллюстрируют танскую политику и использование как инородческих войск, так и целых племен в борьбе с ведущими кочевыми народами Центральной Азии. Поэтому я считаю полезным опубликование их.

«Вначале сеянтоский Чженъчжу Бицзулу Кехань отправил посланника просить брачного союза. Тайцзун согласился выдать за него принцессу, потребовав от кагана приготовить церемонию личной встречи (невесты) и лично отправиться в Линь-Чжоу участвовать в церемониальных собраниях. Сеянто раньше не имели складов и хранилищ и средств для перемещения запасов. Кроме того, проезжая по 10 000 ли, перехода пески в камни без воды и травы, и бараны и лошади во множестве гибли. Таким образом, пропустили срок (свадьбы). В конце концов сеянто представила уменьшенное число лошадей и баранов. После этого, при отправлении обратно их посланника, некоторые из сановников говорили: «Когда согласились дать в жены принцессу, границы Сеянто получили спокойствие. Приняв предложенные брачные подарки, мы не можем нарушить доверие иноземцев. Следует быстро покончить». Тайцзун сказал: «Вы, судари, знаете древнее и не знаете нынешнего. В древности при Ханьской династии Хунну были сильны, а Китай слаб. Поэтому, щедро украшая брачную пару, мы отдавали царевну в жены шаньюю. Ныне Китай силен, и северные варвары слабы. Китайских солдат тысяча может разбить несколько десятков тысяч их. Сеянто поэтому покорствуют, бьют челом на ваши гневные действия. Не смеют высокоумничать и пренебрегать, вследствие того, что недавно поставили правителя и разные племена, смешанно живущие, не подчиняются его управлению. Непрестанно опираясь на великое государство (Китай), они заставляют покориться эти народы (войска). У тех Тунло, Пугу и прочих 10 племен – у каждого войска несколько десятков тысяч. Если они не смеют выступить, то потому, что боятся Китая, смотря, что Сеянто поддерживается нами. Если теперь женить его на царевне, то зять великого государства увеличит и возвысит свое достоинство, крепко привяжет своих единомышленников. Разные семьи и племена еще более почтут его и покорятся ему. Люди-варвары разве знают благодеяние и справедливость. Совершенно неожиданно прикажут войскам двинуться на юг (против Китая)... Ныне, если не дать за него (кагана) царевну, это сделает его жизнь очень ограниченной. Все семьи и племена сразу узнают, что мы покинули его. То, что они поспешат напасть на него (на кагана), будет непременно»

Другой текст из Вэньсянь-Тункао (т. XVI, цз. 344, с. 17-а – 17-б) говорит об использовании в Китае воинов-инородцев: «Ань-Лушань, восстав, захватил их (Тунло) войско и употребил их на службу под названием Илохе, что значит по-китайски: молодцы – отборные, крепкие люди в свите воеводы». Первый текст дает нам представление о подготовке одной из наиболее кровавых в истории Азии расправ. Подробности трагической гибели народа сеянто, вместе с этой эфемерной державой, достаточно освещены в европейской и русской литературе. Для нашего изложения имеет огромное значение замечание Тайцзуна о сравнительной силе кочевых и танских войск. Объяснение этого мы находим во втором тексте, где подчеркнуты высокие боевые качества наемных войск.

Описания Стейна, безукоризненные с внешней стороны, не отмечают деталей, отличающих этих воинов от китайцев. См. указанное и наше описание. Стейн прав, считая этих воинов представителями войск танского правительства, но неточен, так как они были не китайцами, а тюрками; это обстоятельство им не указано и не уяснено (см. рис.). Ср.: Laufer B. Chinese clay figures, p. I. Chicago. 1914, с 313-314, Pl. LXVII. Фигуры китайских воинов танской эпохи см. указ, соч., XXI, XXXII, XI, VII, VIII, IX, X. Все фигуры в латах.

Чаа-гас у с. Копены (см.: Евтюхова Л., Киселев О. Труды Гос. Истор. музея. Вып. IX. М., 1940).

Алексеев В. Древние китайцы на страже своих границ. // Изд. АН СССР, Отдел литер. и языка. Т IV, вып. 5, 1945.

Евтюхова Л., Киселев О. Труды Гос. Истор. музея. Вып. IX. М., 1940.

Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. I. СПб, 1833.

Иакинф. Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-III. Л.-М., 1950.

Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstdenkmäler.. Helsingfors, 1931.

Aspelin. Types peuples de l'andenne Asie Central. Helsingfors, 1911.

Cavalier Mongol reentrant de la chasse, par Tchao Mong-fou (XIII-XIV siecles).

Chavannes E. Documents sur les Tou-kieu Occidentaux. // Тр. Орхонской эксп., т. VI. СПб., 1903.

Julien St. Documents historiques sur les Tou-kious. // Journ. Asiatique, 6 serie, III, 1864.

Klementz. Expedition nach Turfan.

Laufer B. Chinese clay figures, p. I. Chicago. 1914, c 313-314, Pl.. LXVII;

Stein A Innermost Asia. Oxford, 1928.